

день остается своевременной заботой, и призыв Жана-Ришара Блока должен и может быть услышан и оценен.

...Передо мною лежит большой том «Дон Кихота» на французском языке, на титуле которого рукой Жана-Ришара Блока написано по-русски: «Иностранная комиссия Союза Сов Писатели для тов. Павел Григ. Антокольски от Ж. Р. Б.» Незачем говорить о том, как дорога мне эта книга, оставленная им на память в 1944 году. А сегодня кажется, что к ней, как к святыней точке, издали тянутся многие гости, среди них

и сам ламанчский рыцарь печального образа, и его автор, однорукий солдат, и французский переводчик сервантесовского романа, друг Тургенева, Луи Виардо, и, наконец, самый желанный из всех гостей, солдат и рыцарь двадцатого века, в потертом кожаном пальто, туго стянутом ремнем, в меховой ушанке — таким он и вернулся оттуда, из грозной вьюги нашего сорок первого года, ни молодой, ни старый, — Жан-Ришар Блок.

П. Антокольский

У ВОЙНИЧ В НЬЮ-ЙОРКЕ

К 100-летию
со дня
рождения
Этель Лилиан
Войнич

Девять лет назад я видел Войнич, разговаривал с ней. Вот как это случилось.

Осенью 1955 года группа советских журналистов совершила поездку в Соединенные Штаты Америки. Начав с Нью-Йорка, мы побывали во многих городах, встречались со многими людьми и снова приехали в Нью-Йорк, чтобы оттуда вернуться на родину.

Вечером 16 ноября Борис Полевой, возглавлявший группу, сказал нам:

— Товарищи, в Нью-Йорке живет Войнич!

— Автор «Овода»? Да может ли быть! Историей итальянского юноши Артура-

Овода упивалось не одно поколение читателей. Помню, как мы, комсомолы двадцатых годов, зачитывались этой книгой, воспламенявшей сердца наши мужеством революционного подвига. Да что там — мы! Ведь и отцы наши читали «Овод» еще в то, уже совсем далекое время, когда они были молоды. Нам же казалось, что эта книга существует очень давно, а автора ее я, например, даже представить себе не мог — каким он был?

И вот оказалось, что Войнич живет в Нью-Йорке.

— Мне это сообщил один из наших сотрудников ООН. Завтра утром он зайдет за нами, и мы поедем к автору «Овода». Прямо-таки фантастика! — заключил Полевой.

И вот мы едем к автору «Овода» с букетом осенних цветов.

24-я улица расположена довольно далеко от центра Нью-Йорка и выглядит она мрачновато. Фасады домов обезображены решеткой пожарных лестниц. Порывистый ветер гонит вдоль тротуаров скомканные обрывки газет, клочки мусора.

Вот и дом 450. Высокий, темно-красный или, точнее, бурый фасад его кое-где оплетен поблекшим плющом.

Поднимаемся в лифте на 17-й этаж и звоним у одной из дверей. Маленькая худощавая женщина лет пятидесяти — Энн Нил, компаньонка и давняя подруга писательницы — приглашает нас в небольшую комнату и говорит, что госпожа Войнич сейчас выйдет.

С волнением и любопытством оглядываем мы бедный приют двух одиноких женщин: стол покрыт чистой, штопаной скатертью, два стула, старое кресло, потертый диван, книжная полочка. Над диваном — сделанный пастелью портрет старой женщины. В простенке, у единственного окна, — писанный маслом портрет флорентийского юноши в бархатном черном берете. Лицо юноши печально и строго.

Из окна вид на стены и крыши соседних домов — печальные и жесткие крыши, как кладбище.

Через несколько минут из смежной комнаты вышла сухая, седенькая старушка с

палочкой, в очках. На ней была голубая дешевая кофточка, на плечи накинут черный шерстяной шарфик.

— Здравствуйте, господа,— сказала она по-русски, отчетливо выговаривая каждый слог.— Я рада... Мне очень приятно вас видеть.

Боже мой, неужели это автор пламенно-го «Овода»?

Да, это она, Этель Лилиан Войнич, друг Степняка-Кравчинского, человек, встречавшийся с Верой Засулич и бунтующим князем Кропоткиным, с Чайковским... Время, время, что ты делаешь с человеком!

На книжной полочке Войнич хранится издание «Овода», выпущенное издательством «Польза» в 1912 году.

— Это последнее русское издание,— говорит она.— Я не думала, что в России помнят обо мне.

Помнят ли? Миллионными тиражами на двадцати языках выпускался в Советском Союзе «Овод». Было создано два кинофильма по роману. Во многих театрах страны шла пьеса, написанная по мотивам «Овода». Вот как помнят ее!

А в Америке? Здесь она просто старая женщина, эмигрировавшая из Европы. И почти никто в Соединенных Штатах не помнит об ее «Оводе». И свой век доживает она в Нью-Йорке, не зная о том, сколь знаменита и почитаема в обществе строителей нового мира.

Войнич садится в уголок на диван, возле которого стоит лампа-торшер.

— Это мое любимое место,— слабо улыбувшись, говорит писательница.

Мы спрашиваем, помнит ли она о России.

— О да, Россия!

Она на секунду закрывает глаза, словно хочет представить себе Россию, и начинает рассказывать о том, как она, дочь английского математика Дж. Буля, внучатая племянница знаменитого путешественника Эвереста, будучи еще совсем молодой, поехала в Россию. В Варшаве она увидела крепостной замок, в котором были заключены революционеры, и долго стояла перед ним...

Потом она уехала в Петербург. Поступила гувернанткой в семью русского генерала. Сблизилась и подружилась с народо-вольцами, к которым ей дал письма русский писатель Степняк-Кравчинский, живший тогда в Лондоне.

Пробыв в Петербурге около двух лет, Лилиан Буль вернулась на родину, в Лондон.

Однажды, в доме Степняка-Кравчинского она встретила молодого революционера, бежавшего из сибирской ссылки. Это был Михаил Войнич. Оказалось, что в то время, когда Лилиан Буль была в Варшаве, Войнич находился в крепости и через решетку, из окна своей камеры, видел девушку. Теперь он узнал ее.

Удивительные обстоятельства этих встреч сблизили их. Потом дружба молодого поляка с Лилиан Буль переросла в любовь. Они поженились, Лилиан стала Войнич. Их дом в Лондоне сделался домом русской революционной эмиграции. Здесь часто бы-

вал Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский.

— Он был самым близким другом,— говорит писательница.— Мы с сестрой считали его своим учителем. Да, да, учителем...

Энн Нил достает с этажерки альбомы со старыми фотографиями, пожелтевшие письма. Вот фотография чернобородого Степняка с дарственной надписью: «Лили Буль на память. 19 декабря 1890 года».

— Он, может быть, первым укрепил во мне мысль заняться литературой,— говорит Войнич.

В одном из писем русский литератор-революционер писал к ней:

«Ах, Лили, если бы Вы знали, как хороши Ваши описания природы!..» И дальше: «...Вы непременно должны попробовать свои силы на писательстве».

Войнич говорит медленно, делая паузы то ли затем, чтобы передохнуть, то ли чтобы подобрать слово.

Мы спрашиваем у нее, как возник замысел «Овода», кто послужил прототипом Артура.

— Этого нельзя объяснить,— задумчиво отвечает она.— Очень трудно сказать, как возникает замысел книги... Если бы теперь я стала уверять, что кто-то был Артуром, это — нет... Невозможно сказать...

Она опять устало закрывает глаза, как бы вспоминая далекое прошлое, а потом указывает на портрет флорентийца, висящий в простенке напротив дивана, и говорит:

— Вот копия с картины итальянского художника. В молодости, будучи в Париже, я впервые увидела этот портрет. В Лувре. Долго стояла перед ним. Потом купила копию. Когда писала «Овод», Артур казался мне похожим на этого флорентийца. Я всегда представляла себе Артура таким. Его лицо. А душу... О, это — многое... Простите, господа, я не знаю, как объяснить.

Сухие, морщинистые, тонкие руки ее дрожат. Но сухое, также морщинистое и почти бескровное лицо озаряется светом, вдруг вспыхнувшим в старческих глазах.

— Ах, я так рада, что в России он еще жив, о нем помнят.

О России говорит она с глубокой любовью и нежностью.

А. И. Аджубей, бывший тогда редактором «Комсомольской правды» просит Войнич написать несколько слов к советской молодежи. Писательница садится за стол и медленно пишет: «Всем детям Советского Союза — прекрасного будущего в мире Мира».

Николай Грибачев фотографирует Войнич, хотя в комнате темно. Потом хозяйка опять устраивается в уголке на диване, и мы фотографируемся все вместе на память об этой встрече.

Писательница устала. Мы не решаемся дольше утомлять ее и прощаемся.

— Спасибо,— говорит Войнич.— И там, в России,— спасибо. Я очень люблю ее... Да.

Взволнованные необычайной встречей, мы выходим на улицу. Дует пронзительный ветер. Неуютно и холодно.

Мы думаем о судьбе этой старой женщины. Как печально и странно сложилась она. Но «Овод», «Овод»! Он до сих пор воспламеняет миллионы юных сердец, и разве это не счастье?..

— Слушайте, товарищи,— говорит Аджубей,— ведь она очень бедно живет в этом богатом торгашеском Нью-Йорке. И одиноко—ни родных, ни друзей. Только Энн Нил.

Нам рассказывали, что компаньонка Войнич Энн Нил немного подрабатывает переводами в каком-то издательстве, на это они и живут.

— Надо как-то помочь!— восклицает Аджубей.— Войнич не чужая России.

...Вернувшись на родину, мы рассказали о встрече с Этель Лилиан Войнич. А вскоре старая писательница получила советские издания, копию фильма «Овод» и узкопле-

ночный аппарат для его демонстрации. Из Советского Союза пришла и материальная поддержка.

Признание литературного подвига, как нежданное счастье, явилось к писательнице из России, из страны ее романтической молодости.

Сейчас, взглянув на листочек календаря с памятной датой «100 лет со дня рождения Этель Войнич», я как бы вновь ощутил пламень, вспыхнувший в сердце чуть ли не сорок пять лет назад, когда я, рабочий-подросток, впервые прочитал «Овод». И с новым волнением припомнилась недавняя встреча в Нью-Йорке.

Теперь Лилиан Войнич уже нет в живых. Но светлую память о ней от поколения к поколению без виз и границ несет героический образ Артура-Овода. И жить ему еще долго, быть может, века!

Виктор Полторацкий

